

КСЕНИЯ БУКША

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

РОМАН

М РА КА

18+

Роман поколения

Ксения Букша

Рамка

«АСТ»

2017

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Букша К. С.

Рамка / К. С. Букша — «АСТ», 2017 — (Роман поколения)

ISBN 978-5-17-103628-7

Ксения Букша родилась в 1983 году в Ленинграде. Окончила экономический факультет СПбГУ, работала журналистом, копирайтером, переводчиком. Писать начала в четырнадцать лет. Автор книги «Жизнь господина Хашим Мансурова», сборника рассказов «Мы живём неправильно», биографии Казимира Малевича, а также романа «Завод “Свобода”», удостоенного премии «Национальный бестселлер». В стране праздник – коронация царя. На Островки съехались тысячи людей, из них десять не смогли пройти через рамку. Не знакомые друг с другом, они оказываются запертыми на сутки в келье Островерцкого кремля «до выяснения обстоятельств». И вот тут, в замкнутом пространстве, проявляются не только их характеры, но и лицо страны, в которой мы живём уже сейчас. Роман «Рамка» – вызывающая социально-политическая сатира, настолько смелая и откровенная, что её невозможно не заметить. Она сама как будто звенит, проходя сквозь рамку читательского внимания. Не нормальная и не удобная, но смешная до горьких слёз – проза о том, что уже стало нормой.

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-17-103628-7

© Букша К. С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

1. Бармалей	7
2. Николай Николаевич	10
3. Паскаль	12
4. Вики	15
5. Дядя Фёдор	18
6. Боба	21
7. Галка и её пёс	24
8. Органайзер	27
9. Янда, Алексис	29
10. Кто же из нас злодей?	32
11. Органайзер говорит	36
12. Пресс-конференция Ричи	39
13. Бармалей и Органайзер	42
14. Девяносто процентов ужина	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ксения Букша

Рамка

Роман печатается с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

© Букша К.С.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Рисунок Ксении Букши

1. Бармалей

Только в рамку. Проходите пожалуйста не толпитесь все успеете обязательно. К пристани подваливает следующий катер, народ толпится за красной ленточкой. Море шумит, расплещивается, ярчайшее солнце и буря, на ветру улетает листва, флажки хлопают, причал скрипит и раскачивается, пассажиры вылезают – глаза на лоб – и хватают ртом свежий ветер. Все три часа катер носило, подбрасывало, душу вытрясало, – а народу-то натолкали в «Метель» втрое больше, чем надо, – и вот теперь стоят, стоим, а там впереди – по одному – пропускной пункт, досмотр и рамка. Дело нешуточное, коронация государя, а ещё слухи все эти, вот они и бдят. Коронация только завтра, а Островки уже набиты народом до отказа, едут и едут.

Бармалей маленькими шажками покорно движется по причалу. Он хочет пива. Солнце жарит на редкость мощно для Островков. Справа пышногрудая дама в тренировочных штанах, слева хилые подростки с рюкзаками, впереди православное семейство. Не задерживайте, откройте второй вход! Сейчас сзади начнут напирать, следующий катер уже пришёл! – Бармалей оборачивается на резкий высокий голос – это всё тот же скандальный коротко стриженный чувак, он один и нервничает – остальные расслаблены, всех укачало, пока три часа плыли сюда с материка.

Вот и рамочка. Вещи кидаем на ленту, сами проходим. Бармалей, опытный путешественник, не может не оценить: рамочка модная, толстая, по периметру – сетка лучей, всё не просто так, – Бармалей кидает рюкзак на ленту, проходит, и тут рамочка издаёт странный негромкий хриплый писк, эдакое скорее даже похрюкивание; ну вот опять это, покорно вздыхает Бармалей, сколько можно-то – и, навстречу серому с рацией, который подходит к нему, – да, да, у меня чип Управления Нормализации, это он и фонит, сами нормализуете и сами же потом удивляетесь, – вот он, – Бармалей привычно откидывает свалявшиеся кудри и демонстрирует старенький чип УПНО, помигивающий оранжевым, голубым и светло-зелёным, – но серый на чип не смотрит, вообще не смотрит, да и на Бармалея-то не очень, – а только говорит: прошу сюда, не волнуйтесь, пожалуйста, нам придется вас задержать, это не будет значить для вас ничего неприятного, но, к сожалению, таков приказ, ваши биометрические... трр-трр... – и тут подваливает второй чувак, а народ между тем продолжает пассажиропоток, человекопродвижение через рамку, – ваш паспорт, паспорт ваш, – теребят Бармалея, – а тени от деревьев на берегу мотаются туда-сюда, и Бармалей подаёт раскрытый паспорт, крепко держа за угол, но те оба мотают головами – нет-нет, не так: паспорт – отдать.

Бармалей запрокидывает голову, чтобы посмотреть, кто на вышке, но за вышкой как раз стоит солнце. Море шумит, народ движется, причал качает. Чуваки спокойно ждут.

(Ты, Бармалей, поедешь на коронацию, – говорит редактор Бармалею за день до отъезда. Просили П.Е. – тот заболел. Г. собирался – ногу поломал. Лида очень хотела поехать, но сам понимаешь. А у тебя чип стоит. Если что, претензий к тебе никаких... И потом, у тебя давно не было ни бОнусов, ни крЕдитов, коронация – хороший повод проявить себя. Ладно, Бармалей, двадцать девятого вечером. Тридцатого утром кораблик, в два приплывает царь, в четыре пресс-конференция. Первого с утра мероприятие, вечером народные гулянья. Второго, если всё будет нормально, обратно, и третьего утром ты дома. Отличный план, – говорит Бармалей бодренько. (...)) По-моему, Бармалей, ты не вернёшься, – говорит Г., повисая на костылях и прикуривая. – Я тебя знаю – ты из таких мест никогда не возвращаешься. – Типун тебе на язык. – Ну или не ты, а такие как ты. – Да фигня это всё, – возражает Бармалей. – Ничего там

не будет, всё это слухи панические. Просто, ну, как его, туда-сюда, ну, максимум, кто-нибудь плюхнется в какое-нибудь море или озеро... ну или свалюсь вот, как ты, с какой-нибудь тоже лестницы или с пенька... потом этот придет хмырь, поклянется там на чём надо, нахлобучат на него эту шапку дурацкую, помолятся все кому-то там... или кому там... и разъедутся, и всё пойдёт по-прежнему. Им просто движуха нужна какая-то, – Бармалей водит в воздухе сигаретой. – Ну ладно, – говорит Г. – Ты там береги себя. – Угу-берегу.)

Вот те и береги себя, вот те и претензий никаких! и сразу на рамке запищал. А куда, дёргается Бармалей как обычно, а сколько времени-то займёт, скажите хоть, чтобы я планировал. Не знаем, как обычно отвечают ему, это не мы придумали, это инструкция, – и добавляют: не волнуйтесь. А чтобы планировать, так это лучше не стоит, ничего на ближайшее время не планируйте. Бармалей всплывает на берег, серые по бокам. Необычное ощущение. Бармалея много раз так вот водили: и по тридцать первым числам, и просто по весне, – и всегда грубо, тащили иногда, волокли. На этот раз – ничего подобного даже близко. Режим вежливости на максимуме. И от этой избыточности, повышенного комфорта Бармалею не по себе.

По пыльной дороге к монастырю. Народу много. Велосипеды. Палатки. У озера продают пирожки, пиво, квас, начинается купанье. А Бармалею ни в лес, ни по дрова. Блядский чип, блядское УПНО с его нормализацией.

Вот и монастырь. Ведут направо, по тропинке вдоль самой крепостной стены, мимо тележки с квасом и сухарями, мимо длинной очереди экскурсантов, приехавших пораньше. Через десять метров – неприметная, низенькая деревянная дверка в каменной стене. Пригнуться. Посторонившись, Бармалея впускают первым. Внутри приятно, прохладно, чисто выметено, пахнет ладаном. Каменные крутые ступени ведут на второй этаж. Там площадка, лестница круто уходит вверх – но спутники открывают перед Бармалеем другую дверку, тоже деревянную, тоже низенькую. Стены везде кирпичные, обмазанные глиной, белёные. Хочется назвать их «стеночки».

И вот она – «келейка», самая настоящая монашеская келья.

Будто в сахарнице, озирается Бармалей.

Метров шестнадцать квадратных. Точнее, шестиугольных. Потолок сводчатый, толстые кирпичные стены побелены. Под потолком с одной стороны – три крохотных окошка. Стёкол в окошках нет. Решётки есть – редкие, старые прутья. Пол дощатый. Напротив двери – узкая щель в стене. У левой стены стол и пара деревянных скамеек.

Обустроивайтесь. Сидим здесь, туалет за вон тем проёмом (показывает на щель). Рюкзак придётся отдать. А также мобильник, деньги, ничего брать сюда нельзя. Простите. Такие правила сегодня. Никаких личных вещей. И вам придется здесь подождать. А обед мы вам принесём.

Нет-нет, – говорит Бармалей. – Кредитку и айфон я не отдам, конечно. Это исключено.

Келейка расплывается у него перед глазами в багровом тумане. Он прилежно наблюдает оранжево-красные треугольники, гадая об их значении. Вдруг понимает, что сидит на полу, таращась на низкую деревянную дверку.

Дверка плотно заперта. Полосы света лежат на каменных плитах. С улицы доносится смех и гомон экскурсантов.

Рюкзака и айфона нет.

2. Николай Николаевич

На скамье у стены, в просвеченной зеленоватой полутьме, обнаруживается пожилой, но моложавый чувак, аккуратный, короткая стрижка проседь пробор пиджак брови подбородок с ямкой.

Да что вы на полу-то всё! Давайте ко мне на скамейку.

Бармалей, побряхтев, привстаёт. Ничего не болит, но мышцы слегка одеревенели.

Долго сажу-то?

Пожилой пожимает плечами.

С четверть часа. Как меня впустили, так и сидите. Поздоровались трижды. Но в контакт вступили только сейчас.

У вас тоже сумку отобрали? – Бармалей.

Почему отобрали, сам отдал. Я гражданин законопослушный, – с пониманием кивает на чип. – Вас как?

Бармалей. Пётр Бармалеев.

Николай Николаич... Я вам сочувствую, – подобие улыбки, – но сам я, знаете, не спорщик... Считаю, что рамке виднее, и вообще – им там виднее. Сказали сидеть, значит, надо сидеть. Если биометрические показатели – тут лучше перестраховаться. Царь-то, он у нас один всё-таки, уж какой ни на есть. Так что лучше посидеть. Хотя вы со мной, наверное, не согласны.

Не согласен. Я бы лучше пива выпил. Меня-то точно из-за чипа. Чип старый, меня восемь лет назад нормализовали. Технология ещё внове была, поставили титановый. Теперь техобслуживание надо проходить, а я не прохожу, вот он и запищал.

А-а, – кивает Николай Николаич с пониманием. – Восемь лет назад, это значит, ещё когда акции протеста, когда с белыми ленточками ходили... Старая техника часто даёт сбои... А я почему запищал, даже и гадать не хочу. Вроде я самый что ни на есть скучный, обычный. А думаю, просто дело в том, что я вместо брата приехал, по его билету. Хотя это не воспрещается, но другой причины я просто не могу придумать.

В окошках под потолком видно только небо, но слышно много разной жизни: лают собаки, смеются девицы, визжат купальщики (озеро рядом). От этого спокойней, но и досада берёт.

Вместо брата? Ваш брат не смог, и вместо него приехали вы?

Не смог, да... Умер мой брат, – Николай Николаич, рассеянно. – Неделю назад... Неделю назад. Соболезную.

Да... Это же не просто брат, это самый близкий человек мой, – Николай Николаич озирается. – Я... вообще не очень, конечно. Простите. На мне его ботинки вот. Пиджак его, – растерянно берётся за лацканы. – Он директор был конторы нашей. Его обязали ехать. Он умер, а билет остался.

Вносят две тарелки жиденькой ухи, два куска хлеба и две чашки чаю. Обед. И сразу уходят.

...меня старше был на пять лет, – говорит Николай Николаич, прихлёбывая уху – Выше и крупнее. Поэтому пиджак его, – берётся за лацканы. – Я пиджак этот... на помойку пошёл выбрасывать

ну чего тут такого
от него много осталось пиджаков
некоторые я ношу
а некоторые мне не подходят, этот видите не по размеру – крупнее был брат-то мой
иду, иду, и... жалко пиджак
думал его повесить как-то интеллигентно
а некуда
грязное всё на помойке-то
ну и я
не могу решиться, держу его всё в руках
сентиментальность, знаете, проняла какая-то
а тут парень идёт
и по комплекции – вылитый Георгий!
(Так моего покойного брата звали.)

я к нему
протягиваю пиджак.
смотри! – говорю. – Пиджак какой новый! Хороший!
хочешь? Отдам! Даром отдаю!

а парень от меня шарахнулся почему-то.
Шарахнутый какой-то, точно.
С прибабахом.

А вы не хотите пиджак? – спрашивает Николай Николаич и окидывает взглядом Бармалея. Вы смотрю тоже крупный такой. Может, подойдёт? Померьте!

Подумаю, – говорит Бармалей сочувственно.

(а тут дверь снова открывается и –)

3. Паскаль

пятясь
как
паук-косиножка
дичась и чудясь
озираясь с ужасом
в келье
появляется

ИНОСТРАНЕЦ

сначала белые кроссовки
потом двухметровый сам
потом взъерошенный и молодой
потом большие добрые глаза
потом борода и носяра
потом в руках тарелка с ухой – выдали, значит, пожрать

видит Бармалея, видит Николая Николаевича, говорит:

Привет! – испуганно улыбается.

Шпарит он по-русски здорово, только всё время пригибается: келья высокая, а ему кажется низкой.

Паскаль, – ставит тарелку на стол, вытирает руки о штаны (расплескал уху на руки), аккуратист Николай Николаич вытягивает из кармана мятую бумажную салфетку. Рукопожатия.

Я правильно всё понял, что рамка заподозрила нас в том, что мы по своим биометрическим показателям похожи на каких-то террористов, которые могут сделать что-то против государя императора?

Вы правильно всё поняли, – Бармалей. – Скажите, а вы сумку сами отдали или у вас её отобрали?

А у меня не было сумки. Все вещи в рюкзаке, я его на этой оставил... как его... на рамке, проходил без него, рюкзак забрал Франсис, все вещи у Франсиса.

Это вам повезло.

Да, да, мне везёт!

А вы паломник, что ли?

Да-да, паломник... А что значит паломник?

Человек, который путешествует по святым местам.

А-а... Да-да... Нет-нет.
я не паломник
я путешествую не по святым местам,
а я просто путешествую с группой людей с Down Syndrome
мы из Москвы
то есть мы с Франсисом из города Клермон-Ферран
Европа. Франция. Провинция Овернь. Шины «Мишлен»
работали там раньше на заводе
но мы волонтерим в Москве уже шестой год
знаете – центр «Даунсайд ап»
социализируем и адаптируем людей с Down Syndrome
огромным успехом пользуется наша реабилитация, людей всегда не хватает

в России ведь почему-то – когда ещё дети – это да, это уже есть
но что они у вас тут взрослыми делать будут?
Вся эта ваша реабилитация – к чему она взрослому человеку с Down Syndrome
если он не может здесь ни жить самостоятельно
ни работать самостоятельно

ну вот, а мы их везде – не только работать
не только сувениры там изготавливать или вязать шапки или носки
мы их по-разному трудоустраиваем (жестикулирует)
и жить учим отдельно от родителей
и путешествуем вместе
кругозор, всё
ну мы любим Россию
хотя часто ездим к себе
но больше половины времени мы проводим тут
привезли ребят на коронацию
а на рамке меня остановили
теперь Франсис с ребятами один
справится, конечно
но сложновато будет

Ни хрена себе, – говорит Бармалей. – А из учеников ваших, значит, никто не запищал?
И ваш коллега Франциск не запищал? Хотя у него стигматы?

Нет, только я, а у меня ни стигматов, ни Down Syndrome. Ха-ха! – Паскаль беззаботно смеётся. – Стигматы! – и тут же омрачается, хмурится.

Мы и сами толком не знаем, в чём дело, Паскаль, – говорит Бармалей. – Что-то биометрическое, надо думать. У меня в виске, видите, чип Управления Нормализации, но дело явно не в нём. А Николай Николаич приехал по билету покойного брата, но вроде бы это тоже не запрещено.

А! Я из Европейского союза, может, дело в этом? – догадывается Паскаль.

О, точно! – говорит Бармалей. – Стопудово дело в этом.

Паскаль недоверчиво смотрит на него.
Ирония, – распознаёт он.

Угу, – говорит Бармалей.

А вы, конечно, не знаете, сколько нас продержат.

Пока царя не коронуют, – говорит Николай Николаич. – Потом отпустят.

Это вам сказали так? – Бармалей, к Николаю Николаичу.

Ну это было бы логично и естественно, – Николай Николаич.

А-а, – говорит Бармалей. – Ну да. Логично – это да. Естественно – совершенно согласен. Я бы даже так выразился – нормально... Видите ли, Паскаль, Николай Николаич утверждает, что он самый нормальный человек на свете. Я вот про себя такого сказать не могу. А вы?

Я не говорил «нормальный». Я говорил – «самый обычный», – поправляет Николай Николаич, достаёт носовой платок и тщательно протирает стол.

Ну обычный или нормальный, это без разницы, – продолжает Бармалей. – Я к тому, что рамка-то на нас запищала, значит... Значит, господа, нам с вами придётся вместо пива пить коньяк. Не то чтобы он был хороший, но он обычный. Нормальный. Как вы к этому относитесь, Паскаль?

Нормально, – говорит Паскаль. – А как вы сохранили его? Мне сказали, надо отдать даже гаджет. Но я лучше сразу отдал гаджет Франсису, а не им.

Вы, Паскаль, молодец. Гаджет у меня тоже отобрали. А коньяк был в потайном кармане. Давайте скорее его выпьем, а то сейчас сюда приведут ещё народ, и нас соберётся больше трёх.

Бармалей достаёт коньяк, разливает его по двум пластиковым стаканчикам, а треть оставляет себе во фляге.

4. Вики

возмущенные вопли, визг, дверь распахивается, и на скорости вносит пышную, высокую, яркую кудрявую брюнетку в кроссовках с золотыми языками, в полосатой футболке, красную, как помидор, растрёпанную, – тормозит, поворачивается, обрушивается на захлопнутую дверь с кулаками и воплями:

от-дай-те телефон!!

рамка на хуй!!

нормально ваще?!

мой телефон!!

моя сумка суки!!

сумку отдайте сумку отдайте сумку!!

бьётся о дверь всем телом, пинает кроссовкой с золотым языком, молотит кулаками, но ничего не добивается; рушится на пол и бурно, злобно, кратко рыдает.

Не плачь, – Паскаль подсаживается к ней и приобнимает за плечи. – Ты расскажи, что там – младенец у тебя? Что случилось?

Не, все живы, никаких младенцев, – брюнетка мгновенно перестаёт рыдать, смахивает с лица слёзы и обретает самообладание, – но всё равно паршиво, блин:

свадьба у меня

точнее не у меня

я организатор свадьбы

недавно этим занимаюсь, а уже по городу знают меня

потому что креативные вещи делаю

и сама веду это всё

ну как режиссёр и тамада

уж на что свадьба дело консервативное

а вот народ приходит, заказывает часто

и вот пришёл клиент

это мой лучший клиент

Слава – он из областного правительства (лицо на пять секунд снова расплзается, но она опять овладевает собой)

вот

и я ему срежиссировала свадьбу

совмещённую с коронацией, понимаете?!

Да, здесь, на Островках

и они уже все приехали

и гости

всё готово, абсолютно всё

а я всех подвожу

без меня свадьба не состоится

нет ну какой же адский пиздец...

Славик из правительства и невеста блядь самая гламурная пара города

а тут эта рамка, рамка на хуй

(хватает тяжёлую скамью и молотит её концом о пол, так что аж щепы летят, Николай Николаич в некотором раздражении отсаживается подальше)

Блядь!!! Бляяядь!!! Ооо, какой кайф!!! Блядское государство!! Скрепы блядь!! Ёбанные уроды!!! Со своим ёбанным царём!!.. Рамка блядь!.. Рамка!!.. Хотя бы телефон отдали блядь! телефон!! хоть предупредить, что, где, блядь...

ну ладно
всё
уже всё
три миллиона просраны
свадьбу я им заporола

сто человек гостей
интерактивную картину ставим из русской истории
и коронация туда вплетена
целый сюжет был
сценарий целый
якобы незадолго до коронации государя
познакомились простая девушка и дворянин
на самом деле весь прикол в том
что Наташа вообще ни разу не простая девушка
а Славка... ну он из шахтёрского посёлка
но вот по сюжету у меня так
и она опоила его волшебным напитком типа зельем
он дуэль там устроил
(настоящую!
с разрешением на оружие пришлось морочиться!!)
озеро переплывал
ну и... короче всякая такая дребедень (сникает; и, снова вострепенувшись)

ну придумают что-нибудь без меня
нажрут в конце концов попросту
денег мне конечно не видать
убытков никто не компенсирует

но не будем падать духом
в конце концов да, никто ведь не умер
поженятся как-то без меня
может их ждут какие-то невероятные приключения
какой-то новый, другой сюжет
сценарий
может, я таким образом вовлекла их в ещё более интересный интерактив
поломала им шаблон

Тебя как зовут? – Бармалей.

Вики.

Вики. А кстати, где Кристина?

В Барселоне блядь.

Вот. Вики. Мне кажется, это знак, что всё-таки вам надо заниматься в жизни чем-то более существенным, чем свадьбы гламурных блядей и подонков из областного правительства. Я не прав?

Ты прав, – говорит Вики. – Но три миллиона очень жалко.

Не расстраивайтесь! – говорит Паскаль. – Я тоже раз свадьбу испортил.

Одна хорошая девушка замуж выходила.

И как всегда – не за меня.

Там был такой аниматор тоже... вроде вас, Вики...

И когда гости были на крыльце, он нам сказал, можно кричать что хочешь.

Говорит: когда появляются молодожёны, вы кричите что хотите.

Что в голову придёт.

Главное, надо кричать. Громко. Такая традиция.

И что же ты кричал, Паскаль? – поинтересовался Бармалей.

Я кричал «Клермон, вперёд!» Ну как на футболе, вы знаете... И ещё кричал «Саркози – уходи!»

Ха-ха-ха! – хохочет Вики и хлопает себя по коленкам. – Пиз-дец!

Вики, – говорит Николай Николаич, – я вижу, что вы хороший человек, но можно маленькую просьбу? Я не привык, когда всё время матерятся. Теперь, когда вы уже выпустили пар, вы, уверен, сможете без этого обойтись. Так?

Постараюсь.

Спасибо.

5. Дядя Фёдор

и вот на этой ноте
вдруг
дверь снова распаивается
и на пороге
с букетом полевых цветов
возникает щупленький, задумчивый
в дырявых кедах
с ключьями седых волос, в треснутых очках
и растянутой рыжей футболке
старый рок-н-ролльщик
такой вот чувак

и возникает он так тихо и мирно
как будто сам пришёл
по своему желанию в гости

и говорит, потянув носом воздух:

Здрасьте, жертвы рамочки! Коньяк-то что – кончился? Так и знал... всегда к шапочному разбору... А у меня вот гитару отобрали... Очень приятно – дядя Фёдор...

Все представляются, дядя Фёдор садится на дощатый пол у стены.

Бармалей улыбается.

Вы тоже, кажется, пытаетесь угадать, что в нас общего?

Ага, – дядя Фёдор улыбается в ответ. – Я просто... Немного удивлен. Меня-то, ну, всегда замечают... мне и повода не надо... я думал, тут тоже... такие, как я... а тут самые разные люди... так, выходит, это меня не из-за паспорта?

А что у вас с паспортом?

Да просрочен на шестнадцать лет, такие вот дела. Я и сам... немного просрочен... – дядя Фёдор разводит руками.

история такая вышла

у меня с документами вечно беда
то одно то другое
то утоплю, то потеряю
один паспорт вообще сгорел в костёр выпал
другой украли вместе с сумкой, пока на улице избитый валялся

короче вы поняли
не живут у меня краснорылые образины или как их там
дубликатом бесценного груза которые

ну и вот – задолбался я их обновлять ходить
это ж геморрой
хлопотно
при моей жизни

провёл какое-то время вообще без
конечно, так тоже неудобно
то да сё
таскают вечно

а потом ко мне приехал приятель из Дагестана
и такой говорит
«дядя Фёдор, приколись – а я твой паспорт нашёл!»

который? – говорю
а вот этот

и даёт мне паспорт
девяносто хрен знает какого года
старый-престарый
оказывается, я его просто у него забыл в гостях
и знаете где
за пианино завалился
мы с ним лабали в четыре руки и пили
ну и паспорт каким-то образом смахнули туда в щель
а потом он инструмент стал продавать
ну и нашёл меня
то есть мою бумажную личность
и привёз – для смеха
а я обрадовался
как раз без паспорта тогда жил
зadolбался восстанавливать
короче обрадовался
и давай его с собой везде носить

и что вы думаете
ещё семь лет он у меня прожил
верой и правдой
и хотя он был старый-престарый
ни разу никто не усомнился
билет купить? Да пожалуйста
кредит взять? Окей
Прикиньте? Вот какие дела

наверное, он рад был, паспорт мой старенький
благодарен, что мы его нашли
а уж мне-то как было приятно
посмотришь на себя молодого – и такой: а я ещё ничего!

Ведь узнавали!
посмотрят, сверят рожу – иди

но сегодня, видимо, пришёл наш с ним черёд
кто-то из нас двоих устарел
или портрет, или сам дориан

не буду врать, милый паспорт, ты у меня был не первый
а раз не первый, то, надеюсь, и не последний
кривая логика, говорите?
Знаю, что кривая
на прямой логике не объедешь
в общем, я не верю, что мне его отдадут
ну и хрен с ним
лишь бы мне меня самого отдали
а без паспорта я уж как-нибудь
паспорт я переживу

Да почему же не отдадут-то, – возражает Николай Николаевич. – Они что ли звери какие. Посидим, и отпустят, и всем всё отдадут. Это всё нормальная мера предосторожности. Нам-то откуда знать.

Бармалей (Вики): и вот так уже час обсуждаем. Видимо, так и будем гадать, пока не выпустят.

Или пока не «невыпустят», – Вики.

Да и начали не час назад, – Бармалей. – А раньше.

Намного раньше, – Вики.

Году в двухтысячном, – Бармалей.

Не, гораздо раньше, – дядя Фёдор. – Я помню, мы ещё при советской власти обсуждали, почему именно мы и когда нас выпустят.

Откуда? – Паскаль.

Да не слушайте вы их, – Николай Николаич. – Они неправомерно обобщают.

Дядя Фёдор улыбается скошенной, почти беззубой улыбкой.

6. Боба

Раскрывается дверь – широко-широко – и вводят абсолютно лысого, bald, гражданина средневосточной национальности в дорожных очках и крутых туристических ботинках. Восточный гражданин шагает в полной прострации, на деревянных ногах. Некоторое время идёт по инерции вперёд, а затем ноги у него подгибаются, и он садится на пол и весь складывается, как на шарнирах. Глаза у него полуприкрыты.

Вы выглядели точно так же, – Николай Николаич Бармалею. – Очевидно, этот человек тоже не хотел отдавать телефон или не хотел идти сюда, и к нему применили такую же технологию.

Вики:

А, это лучом таким, что ли? О! На меня светили-светили... Потом плюнули и выключили... не подействовал. А я не знала, что не действует, так его испугалась, что сама всё отдала, а потом пожалела и стала скандалить!

Какие-то чудо-технологии, – Паскаль. – Любопытно было бы посмотреть. Жаль, что я им не сопротивлялся.

Лысый восточный гражданин открывает глаза и говорит:

привет, люди, а вы все иностранцы или все предприниматели?
у меня узбекский паспорт и бизнес свой
достали уже своими проверками, рамками и всем прочим
главное не церемонятся абсолютно
жена пыталась как-то...
...а да! – не представился, Боба Казиахмедов,

вот-вот, ну да
вы видели, что делают
это вообще в каком веке всё происходит, в какой стране
ну да впрочем вопрос-то риторический

мы-то приплыли ни на какую не на коронацию
мы на катамаране каждый год с женой и детьми
ну и в этом году тоже
а что поделаешь, если нормальное море тут две недели в году от силы
и то вон в бурю попали
вы не попали в бурю?

Попали, – говорит Бармалей, – думали потонем, катер перегрузили – он на сорок пять человек рассчитан, а набилось сотни полторы, не меньше.

ну вы уже утром шли
а мы-то шли ночью
на катамаране попали прикиньте
и, конечно, – ну дуракам закон не писан

мы в такое попали мясо
думали всё
ну виду не подаём – детишки молодцом, нормально тоже держались
у нас доче шесть, сыну восемь
уже думал честно, ребята, всё – ну
но тут эти луды, кругленькие островки эти
как-то пришвартовались не наскочили
ад крошечный, волны, палатку не поставить
хорошо мы привычные, соображаем
это часов в пять было утра, уже светло

не понятно, на фига было не заночевать нормально на материке
промокли в итоге напрочь, чуть не утонули
ну а что – даже весело стало, как согрелись
приключение
даже детишки не ноют
есть же и горелка, и бензин
можно хоть воду поджечь

уже и Островки видно
в целом нормально выскочили

нормально нас потрепало
мокрые пришли абсолютно
но весело
разложили на камнях вещички на просушку
палатку поставили, костёр развели кашу сварили
думали трески наловим

но тут эта бодяга
мы про коронацию вообще ни сном ни духом
а тут оказывается аншлаг
глядим, бежит к нам этот серый
билетики ваши
я предложил оплатить на месте в двойном размере
а серый не слушает
и давай-давай через рамку нас таскать
жена дети прошли, а я запицал
не удивился даже честно говоря

в метро раз в год езжу – так каждый раз останавливают
узбек, что поделаешь
а теперь уж даже и не знаю
то ли что-то с бизнесом
то ли просто как обычно
но вот это отбирание вещей – меня это напрягло, честно
ребята, меня это сильно напрягло

я знаете думаю, что это теперь не просто так всё

потому что они не могут не понимать, что мы за такое и в суд подадим и вообще и раз они такое себе позволяют

Вы хотите сказать... – начал Бармалей.

Он хочет сказать, что нас отсюда вообще не выпустят, – хихикает Вики и руки потирает, как будто это всё не с ней – оптимистичная девушка. – А чо, я бы не удивилась.

Ерунда какая! – Николай Николаич. – Что вы нагнетаете?!

Это лишь предположение, – Боба, задумчиво. – Необязательно всех... Может быть, только меня...

Солнце уже ушло из кельи, но там, снаружи, продолжался яркий тёплый день. Звуки стали приглушёнными; видимо, экскурсантов впустили внутрь, в ворота, и только какая-то собака время от времени выразительно гавкала под стеной.

А вообще, – Боба Казиахмедов, – я рад, что мы остались живы и приплыли сюда. Это главное.

А что я здесь торчу – это, по большому счёту, не главное. Я готов платить сколько надо. Главное, дети живы и мы тоже.

7. Галка и её пёс

Следующего посетителя зовут Галина Иосифовна, но никто её так не зовёт и никогда не звал за все шестьдесят с чем-то там лет, а все подруги за чашкой кофе зовут её Галка, и даже родной сын Мишка зовёт её Галка. Маленькая, бойкая и крепкая, цветущая, с яркими чёрными глазами, в спортивном костюме, Галка без рюкзака, и без корзинки с грибами, без пледа, без лыжных палок, в общем, без всего, но всё равно спокойная и весёлая. На голове у Галки шапка пружинистых, подкрашенных почти дочерна волос. – Галка, – радушно представляется она, между тем как Вики, Бармалей и Боба пытаются, пользуясь случаем, вытащить из серых хоть какую-нибудь информацию, а те никакой выдавать не хотят, но остаются потрясаяще доброжелательными. Единственное, в чём они уверяют узников рамочки, – что положение их временное, а телефоны отбирают гуманными методами, «мы вас пальцем не тронули, господин Казиахмедов, и вас, господин Бармалеев, тоже», но отобрать их необходимо, ибо если – ну а вдруг! – среди вас окажется действительный потенциальный злоумышленник воспользуется своим телефоном и предупредит товарищей об опасности, то вы же сами понимаете!

За собаку отдуваюсь! – Галка садится на пол, скрестив ноги в маленьких новых кедах. – Скучает, слышите?

Это ваш, что ли, там гавкает?

Мой. Ричмонд.

Это он на рамке запищал, а не я.

Но вы же понимаете,
я сразу сообразила –
если собаку одну арестуют, пиши пропало
живым он отсюда не выйдет
усыпят и всё
что им собака
скажут там, – оказывал сопротивление
а я друзей не выдаю

ну и махнула за ним!

А серые-то и не сообразили!

Прохлопали ушами, что там пищит.

Одного его пускать не стали! У них там – всё для людей, не для собак.

Так что я за него.

А Ричи за нами потрусил. Уселся под стеной
и сидит.

Так и просидит бедолага до конца коронации.

Ну а мне-то что – я и тут побуду, мне не скучно, я человек всё-таки.

Кто, Ричи?!

Не сбежит.

Ричи умный пёс, очень умный. Мы с ним общаемся.

И если вы меня приподнимете к окошку, Рич сможет услышать мой ответ.

Бармалей и Паскаль делают из рук крест, Галка взбирается на него, хватается за головы мужчин, и те осторожно поднимают её выше к окошечку. Галка приподнимается к решётке и громко лает.

Галка лает
и листья за окном шелестят
и птицы поют
всё отвечает Галке
с кем она разговаривает?
слышен лай, Галка радостно лает в ответ
а что вы ему говорите?

учу, как жить без меня эти два дня
пирожков пусть попросит с печёнкой, что в конце дня останутся
в киоске
пусть колбаски поклянчит
пусть сидит себе спокойно
и просит что-нибудь
так и пересидим

Человеку легче привыкнуть ко всему
и что хозяина нет
и что неба моря земли воздуха чёрта лысого нет
человек без всего выжить может

человек из нас я – мне-то легче взаперти
собаке это стресс
да и меня так просто в расход не пустят
а собаку они не пожалеют
я их знаю
для них собака не человек
особенно если она на рамке пищит
так что я за него

Да, – говорит Николай Николаевич. – Вы правильно сделали
что вместо него
А он знает, что вы завтра выйдете?
Он понимает «завтра»?

Понимает, – Галка, – но...
он почему-то не верит, что я выйду завтра, – она вдруг внимательно, щурясь, вглядывается в Николая Николаевича и резко его узнаёт, но не подаёт виду.

Я тоже сомневаюсь, – Боба.

Я не знаю, – дядя Фёдор, – я воздержался... Без паспорта голосовать нельзя... Но я верю.
Пожалуй – да, я верю.

Вики, а вы верите? – спрашивает Бармалей.

Да мне пофиг, – Вики, весело. – Я три миллиона проебала и свадьбу подвела. Мне уже можно и вовсе не выходить!

Я точно верю, – говорит Николай Николаевич. – Жаль, гавкать не умею – и пёсика бы вашего убедил.

Паскаль, а вы? Верите? Паска-аль?

Задумавшийся Паскаль аж вздрагивает от неожиданного вопроса.

Во что?!

8. Органайзер

Дверь снова открывается
и Бармалей видит знакомого персонажа

тот самый стриженный, что на причале сильнее всех нервничал и надрывал глотку – «проходите не толкайтесь не задерживайтесь»

Теперь Бармалей видит его вблизи.
Странный чувак. Очень странный.

Худющий, очень прямой, невысокий. Острое нервное лицо. Бегающий взгляд. Офисная одежда. Будто его взяли и телепортом... или кликнули на нём – и из Москвы прям сюда в один миг перетащили. Невозможно же в таком отутюженном виде в поезде трястись, а потом на кораблике три часа.

И теперь видно ещё одну вещь: у него, как и у Бармалея, чип УПНО в виске.

Да только совсем другой. У Бармалея чип простенький, «принудительный», такой государство бесплатно ставит тем, кого хочет насильно нормализовать. А у стриженного стоит так называемый добровольный чип, в народе органайзер – встроенный гаджет, регулирующий не только уровень и динамику, но и содержание процесса идеации. Дорогущая штука, и не всем разрешают. Притом у стриженного органайзер навороченный, странной формы, авторский. Стало быть, лояльный чувак. Помешанный на лояльности.

Бармалей так и называет его про себя – Органайзер. Чувствует: имени своего стриженный не назовёт.

Здрав-ствуй-те! – резко, отрывисто декламирует Органайзер.
Впивается в каждого взглядом. По очереди. Расстреливает.

Боба поднимает брови.
Вики прыскает.
Николай Николаич удивлённо кивает в знак приветствия.
Паскаль наивно улыбается как ни в чём не бывало.
Дядя Фёдор корчит рожу.

Здравствуйте, – отвечает Галка. – Да вы не волнуйтесь. Мы все тоже... запищавшие. Вы садитесь. Всё будет хорошо.

Что вы хотите сказать этой странной фразой? – изумляется Органайзер. – Вы что, имеете в виду, что данная ситуация штатная?! В числе присутствующих несомненно присутствует человек, замысливший преступные замыслы против Государя! А вы говорите, что всё будет хорошо?! Всё уже нехорошо!

Да нет среди нас никаких преступников! – вдруг возмущается Николай Николаевич. – Что вы, честное слово, как дети малые. Одна власть ругает матом, другой наоборот... Думаете, это вам поможет?

Наоборот?.. – зловеще осведомляется Органайзер. – Вы сами-то... почему на вас рамка отреагировала подачей звукового сигнала?!

А почему я должен вам ответ давать? – расходится Николай Николаевич (Боба с Бармалеем смотрят на него с умилением). – Что это вообще за безобразие. Вы же сами на рамке запищали, должны сочувствовать, а вы на нас бочку катите. Вот вы, лично с вами, разве что-то не так?

Ну это же очевидно! – Органайзер высокомерно касается чипа. – Новейшая модель... ещё и в реестры не внесена... эдакой игрушки покамест ни у кого нет – я сам, лично, входил в число разработчиков! Первый испытатель и адаптатор! – Органайзер бросает взгляд на Бармалея. – Вот и вашу модель я также внедрял в своё время. Правда, на себе не испытывал, – с апломбом. – Ну что, поняли, «что со мной не так», уважаемый? А теперь ваша очередь!

Николай Николаич сурово молчит.

Дайте я скажу, – ядовито встревает Вики. – Про всех. Вот Паскаль. Работает с людьми, у которых синдром Дауна. Вот Николай Николаевич. Не знаю кто, но огнеупорный джентльмен. Вот Бармалей. Скандальный журналист, неоднократно битый всеми сторонами политического процесса... (Бармалей изумляется). Вот я... Тамада и организатор свадеб, триста пятьдесят грамм во время Мендельсона и ещё пол-литра в процессе... Вот дядя Фёдор – съел собственный паспорт... Вот Боба – у него сеть магазинов... Галка – говорящая собака... Так что успокойтесь, уважаемый Органайзер, никто из нас не хотел взорвать мир – ещё не – помазанника...

Нет, – не успокаивается Органайзер, напротив, сильнее заводится, и садиться не думает, – я не собираюсь так этого оставлять. Почему я должен сидеть здесь вместо истинного злоумышленника и, более того, вместе с ним?! Я настаиваю, что каждый из нас должен совершить полное и чистосердечное раскрытие...

Дверь снова открывается, и на этот раз вводят сразу двух постояльцев – двух женщин. Чип Органайзера принимается обрабатывать новые данные и ненадолго зависает.

9. Янда, Алексис

Вошедшая первой – странная, даже отчасти страшноватая девушка.

Именно так её хочется (девушкой) называть, хоть ей уже то ли за тридцать, то ли к сорока – невозможно точно сказать, двадцать восемь или сорок один. Высокая, сильная, с высокими скулами (на них отблеск заката). На плечах шерстяная кофта, а под ней чёрная майка с блёстками, розовая надпись: «GIRЛЯНДА». Девушка-Янда похожа на силуэт, возникающий в облупившейся штукатурке на стене.

Здравствуйте, – диковато и осторожно водя глазами, произносит она и – бочком, бочком – Органайзеру поневоле приходится, уступая дорогу, шагнуть в щель – подаётся к стене и осторожно садится там, тогда как вошедшая второй – просит потесниться Бобу и Паскаля и уютно размещается между ними.

Алексис, – радушная улыбка. – И вы тоже попали? – замечает она Паскаля. – И это называется эффективная социальная политика!

Мы на кораблике познакомились, – поясняет Паскаль. – У Алексис шестнадцать приёмных детей, а среди них есть один с Down Syndrome, вот мы друг друга и нашли.

Ну уж – детей, – ворчит Алексис. – Подростки в основном... (одобрительные возгласы Галки, Вики и прочих). – Нет, Паскаль, я думаю, мы с вами тут по разным причинам.

Когда я через рамку проходила
им, похоже, звякнул директор детдома, откуда я детей таскаю

мы живём тут рядом, в [городке, из которого катера ходят на Островки]
они давно на меня зуб имеют
детдом провинциальный
детей мало
я их беру в семью одного за другим
знаете, как бывает
сёстры, братья
приятели
один за другого цепляется
умоляют – слёзы
типа а почему Леру взяли, а меня нет
ну у меня сердце не камень
беру

а директор в панике, что детей всех разберут и детдом закроют
накручивает их против меня
а они всё равно рвутся
всех-то взять не могу
ну сколько могу столько и беру
и ещё чуть больше
ну вот
директор понял, что так со мной не сладишь
начал борьбу уже официальную

сначала опеку подключил
а я выше пошла, так опекскую тётку его ставленницу – сменили
ну а остальные уже зауважали меня
все, никаких

но проверками успели так замучить
ладно
не сработало – так он начал кляузы на меня строчить
во все инстанции
короче чего только не придумывает
теперь вот решил меня задержать (это я так предполагаю)
а сам с проверкой опеку пришлёт
типа – я должна всё время быть с опекаемыми
а меня нет – где я?
Ага

вот, думаю, это просто этап нашей с ним войны
по крайней мере кто-то им звякнул же
когда я проходила рамку
они такие телефон берут
мне такой жест – погодите
сами слушают, что в трубке, а сами на меня смотрят
ну кто ещё это мог быть
конечно это наш дорогой Виктор Михалыч
его интриги и подкопы
но ничего, но пасаран
наше дело правое
прорвёмся
(смеётся)

а вы, ребята, за что сидите?

Органайзер, стоявший в некотором оцепенении, пока Алексис рассказывала, снова рвётся вперед:

Уважаемая Алексис, узнать это – также и моё желание. Ведь положение серьёзное, среди нас несомненно находится злоумышленник, а мы все, сидя здесь вместе с ним, не только теряем понапрасну деньги и время, но и, вполне возможно, подвергаем наши жизни существенной опасности. Граждане, неужели вам самим не хочется поскорее выяснить, кто именно из нас действительный преступник, и побыстрее отсюда выйти? Ведь это всецело в наших и общественных интересах!

Разберутся, – Николай Николаич поднимает палец вверх. – Не наше дело.

А думаете, если мы разберёмся, нас выпустят? – смеётся дядя Фёдор. – Что-то мне кажется, нам всё равно никто не поверит! А вдруг мы сговорились?

Ну уж нет, – Органайзер ярится. – Я настаиваю на полном разъяснении!..

Да, да, поиграем в мафию! – хлопает в ладоши Вики. – Закрывайте глаза! Будет жарко!

Вау-вау-у! – завывает вдруг Галка с деловым видом, подскакивая к окну. – Ребят, посадите меня, Ричи что-то хочет спросить! Ав, ав – гав-гав-гав!

Органайзер дёрнувшись подскакивает, а остальные – все, кроме Янды, – взрываются хохотом, и только когда Органайзер требует объяснений, отвечают, что Галка не просто лает, но коммуницирует со своим домашним животным, донося до его сведения, что справлять естественные потребности следует вдали от стен святой крепости. И только суровая девушка Янда – та не смеётся вообще, сидит как каменная, ни словечка.

10. Кто же из нас злодей?

Придя в себя, Органайзер снова набирает обороты. Искусно взъерошенный, в безупречном костюме, он стоит посреди кельи и обличает.

Итак, не уходите от ответа. Нас здесь уже десять человек, и это наш гражданский долг.

Святая ревность гражданина, – подсказывает Вики.

...не ёрничайте над этим! Мы в святых стенах! – Органайзер свирепо озирается. («Не пиздии!» – врывается с улицы весёлый визг и плеск – кто-то прыгнул в холодное озеро). – ...наш, повторяю, гражданский долг – немедленно узнать, кто из нас на самом деле тот самый человек, ради которого нас всех здесь заперли. Вот вы, к примеру, как вас?

Каренина Нюра, – отвечает Вики агрессивно. Чёрные волосы растрепаны, глаза блестят волшебным матовым блеском. Бармалея волнует этот странный блеск, он и нравится ему, и чем-то тревожит.

Вики, – Органайзер отступает на шаг, как будто на него направили тёплый душ. Вики чересчур близко к нему, вообще всё в этой келье чересчур к нему близко. – Вот вы, я тут краем уха, свадьбу организуете на Островках, а именно – во время непосредственно коронации, миропомазания... А разрешение на свадьбу у вас есть? Я имею в виду не вульгарно-документальное, а высшее, выс-с-с-ш-шее разрешение, – Органайзер тычет пальцем в сводчатый потолок, на котором кирпичи красные с песочным оттенком. Как это – проводить свадьбу там и тогда, где и когда происходит иного рода, понимаете, свадьба, – а именно, свадьба Государя и Господа нашего Бога, миропомазание?! Вы сами-то вообще говоря замужем? Не была ли эта ваша свадьба на самом деле лишь прикрытием?.. операция «свадьба», а?..

Разумеется! – вторит ему Вики со всей серьёзностью. – Фата нашей невесты, знаете ли, это новейшая разработка, о которой даже вы не знаете – нейронная сеть мыслящих бактерий чумы и проказы! – Вики наступает на Органайзера, машет руками, как торговка помидорами, и тот ещё немножко отходит и переключается на Галину Иосифовну – по виду ведь не скажешь, а проницательности у Органайзера почти нет, всю слопал чип:

Ну, а может быть, вы? Со своей специально обученной... сссаб-бакой, которая там гавкает на улице шифрованным лаем? Да ещё надо проверить, точно ли она у вас собака! – или это человек, который принял образ собаки! – вы знаете, что Государственный Совет принял закон о принудительном экзорцизме в случае, если подозрение о бесовской природе индивида будет подтверждено тремя представителями контрольных органов, медицинским работником или педагогическим советом? Если хотите знать, я обладаю такими полномочиями и могу подвергнуть ваших бесов данной профилактической процедуре!.. Галка складывает руки на груди и кивает, так что Органайзер, сочтя миссию исполненной, переходит к Бармалею:

Та-ак, господин представитель либеральной общественности! Это ведь вы Бармалеев Пётр, так? Неоднократно недобитый борцун за свободу слова, собраний и союзов, автор скандально известного ребрендинга не буду напоминать чего? Ну, на вас-то и вовсе клейма негде ставить, вы уж слишком одиозная фигура, чтобы... Да и на настоящее дело вы неспособны! Так что вас я готов заподозрить в предпоследнюю очередь...

После самих себя, I guess, – уточняет Бармалей. – Ну над этим я бы ещё поразмыслил. Кто из нас менее подозрителен и кто большее трепло, неочевидно...

Так, а вы? – Органайзер переходит к Николаю Николаевичу, но тот неожиданно встаёт и, не обращая внимания на Органайзера, ловко скрывается в щели туалета, так что Органайзеру приходится довольствоваться Паскалем. – Вы из Европейского союза? А почему интересуетесь коронацией российского государя? Вы монархист?

Не то чтобы совсем, – извиняется Паскаль. – Но я... очень эмпатизирую, – на этом слове умение Паскаля легко и просто выражаться по-русски впервые его подводит, а Органайзера подводит его обширный лексикон.

Вы – что-что? – сбивается Органайзер (чип мигает).

Эмпатизирую, – повторяет Паскаль виновато и уточняет: – Радуюсь, ликую вместе с русским народом, и вместе с ним же вздыхаю, потому что многие мои ученики смотрят телевизор, и им это не идёт на пользу.

Здесь тоже есть ряд факторов, которые я небезосновательно считаю нуждающимися в проверке, – припечатывает Органайзер. – Ну, а вы? – он бросает взгляд на Янду, и вдруг его шаршит в ответ током такой чистой, безумной ненависти, что приходится сделать вид, что он вообще к Янде не обращался, – вы, Алексис, кажется?

Я Алексис, – да что ж такое, и эта тоже не робеет, не все ли они в сговоре, – но Органайзер распаляет, подзаводит сам себя, подносит руку к чипу и гаркает: – Значит, воспитываете подрастающее поколение? – и всех притащили сюда? – а если кто-нибудь царя ненароком – то вы и не отвечаете, так?

Отвечаю, – Алексис послушно, – по статье закона об опекунах и попечителях номер сто тридцать пункт шестнадцатый – «умысел несовершеннолетних, находящихся в семье более года», но только именно по части тех моих опекаемых, которые действительно более года, то есть это двенадцать человек из шестнадцати, – и Алексис устало улыбается Органайзеру – мол, помолчи уже, чувак, самому ведь стыдно.

Но Органайзер со своим стыдом умело борется. Вот! – поднимает палец он. – Помните об этом! Не забывайте! Что вы за них отвечаете! – а вы, как вас зовут?

Дядя Фёдор, ваше превосходительство.

Да вот как раз и неизвестно, как вас зовут! – а это значит, что любой может использовать вас в качестве орудия в своих преступных действиях! Использовать и выбросить как ненужный инструмент, – подчёркивает Органайзер, но видит, что на дядю Фёдора его аргументация не действует. – Так вот...

Погодите, – срывается Галка, – Ричи хочет мне что-то сказать. Подсадите-ка меня!

Не подсаживайте! – повышает голос Органайзер. – Пока мы не выясним правды, сношения с внешним миром, особенно с представителями иной национальности...

Ричи российской национальности, – возмущается Галка. – Просто он собака. А я, между прочим, еврейка – и что? Я хозяйка Ричмонда, собака принадлежит мне, и вы не имеете права, это частная собственность. Вот если я за ваш забор полезу за клубникой, вам понравится?

У меня нет клубники за забором!.. – сбивается с мысли Органайзер. – У меня вообще нет забора!..

Тем хуже для вас! – Галка.

Поддерживаю, – Боба. – Хуже. Может быть, лучше просто помолчать и не вести себя так, как будто вы, простите за выражение, бог?

Вы-то что о боге знаете?! – Органайзер. – У вас вообще ваш этот аллах, молчали бы! Это не ваши стены, не ваш храм и не ваша коронация, а если хотите знать, глобальные процессы вообще делают вас, господин Казиахмедов, первым подозреваемым просто по факту вашей принадлежности к...

Тут уж не выдерживают разом все.

Что значит «не ваш храм»? – Паскаль. – Как это «наш», «ваш»? Храм – Божий! Вы не знаете такую вещь?!

И при чём тут национальность?! – Алексис. – Далась вам национальность! Сами вы... марсианин!..

Дядя Фёдор разражается диким хохотом.

Я вас, гражданин Органайзер, насквозь вижу – кто вы и что вы. А если не верите, то доказать могу очень просто: у вас на жопе родимое пятно в форме полуострова Крым!

Органайзер бледнеет и бросается на дядю Фёдора. Тот вцепляется в Органайзера, они падают, Бармалей, Паскаль, Николай Николаевич и Боба бросаются разнимать. Ричи на улице задорно гавкает. Галка лает в ответ. Бармалей дотягивается до Органайзерского чипа и без особой надежды дёргает, слегка нажав на бока.

Чип выдёргивается безо всякого усилия, легко и свободно, но Органайзер кричит и хватается за висок так, как будто Бармалей его ментально кастрировал.

Ах ты сука! – кричит Органайзер. – А-а-а... О-о-о... Отдай... хуже будет... – он корчится, садится на пол, у него явно кружится голова, он ничего не видит и не соображает, сидит на корточках и матерится сквозь зубы.

Отдайте ему, – не выдерживает Галка. – Видите, как человеку плохо.

Нам с ним ещё спать в одной келье, – возражает Бармалей. – Ничего, пройдёт. Чип-то добровольный, там разъём. Единственное, что я его не выключил, потому и небезболезненно, но в целом не страшно. Зато сейчас, возможно, мы увидим перед собой человека.

Вики с сомнением хмыкает. Органайзер перестаёт шипеть и плевать. Отнимает руки от висков. Поднимает глаза и с недоумением смотрит вокруг. Он весь багровый и мокрый, пот течёт с него ручьями.

Здравствуйте, – Бармалей.

Чип, – говорит Органайзер и протягивает ладонь вперёд.

Бармалей отрицательно качает головой.

Я программы никакие грузить не буду, – сипит Органайзер. – Просто базу включу – коннект, словарь, автозамена... у меня же там вся когнитивка...

Окей, – Бармалей. – Только базу. Если услышу опять бредятину, мы с Бобой вас скрутим, а Вики поможет.

Органайзер морщится и кивает.

Бармалей протягивает Органайзеру чип. Тот нажимает на нём пару кнопок и втыкает обратно в разъём на виске. На чипе вспыхивает цепочка огней, мигает по-ёлочному.

Приношу извинения, – говорит Органайзер гораздо бодрее. – Надеюсь на ваше понимание. Не взываю к вашему снисхождению.

Да ладно, – Боба говорит. – Не парьтесь. Проехали.

11. Органайзер говорит

Я... в целом... знаете... никогда не думал работать на систему. Но меня всегда интересовали эти вещи – планирование, нормирование... у меня есть внутренняя склонность к этим делам. И поэтому неудивительно, что в какой-то момент я занялся вот этими вот вещами... этими разработками... ну, словом... по встроенным планировщикам. Это было в тренде, а я, можно сказать, занялся этим одним из первых. Я был молод, мне хотелось успеха, я побывал в Кремниевой долине, тогда я был, знаете, в этой идеологии молодых двадцатилетних миллионеров, я мог бы и сам стать одним из них, если бы тогда, если бы в тот момент... меня не купила, да, эта вот тогда ещё просто отечественная корпорация, и я... я принял по сути верное количественно, но неверное качественно решение... И вот с того самого момента дороги назад уже не было, но я этого ещё долго-долго не понимал... Мне казалось, что... (Органайзер закрывает лицо руками).

Спокойно, – Боба. – Мы уже поняли, что вы падший ангел.

Не ссы! – добавляет Вики. – Ну я тоже всяких упырей свадьбы играю – и чё, не жить?

Органайзер поднимает голову.

Н-да... ну, видите же, вот, живу... Вообще говоря, я действительно не кривя душой могу сказать, что я и вправду стремлюсь, хочу нормировать людей. Вам может это показаться отталкивающим. Но я действительно верю в рациональный план, я так привык, иначе просто не умею, но в этом есть не только недостатки, но и достоинства, и если бы я в какой-то момент не начал планировать, то, возможно, я бы просто...

В целом я осознал, насколько можно бездарно потратить жизнь, если не заниматься планированием и нормированием своих показателей... да... когда мне было одиннадцать лет. За год до этого мой отец, он ушёл из семьи, ну и... он практически перестал присутствовать в моей жизни. Вернее, как... Он делал так, он договорился с матерью, что он будет приходить и забирать меня на выходных, на один день, по сути, на несколько часов, и где-то как-то проводить со мной это время. Но в реальности всё происходило совершенно иначе, всё происходило так, что он обещал позвонить утром, и я садился у телефона... Вот, знаете, мы жили в коммунальной квартире с матерью, и телефон у нас был один, естественно, общий, это ещё далекие девяностые годы, такой чёрный телефон с диском ещё... и вот на этой, значит, скамеечке я и сидел... примерно с десяти утра я занимал эту позицию, ну и вот так в целом весь день я мог просидеть, потому что отец... он мог вообще не позвонить, и тогда выходной у меня проходил даром, или он мог позвонить в пять, скажем, вечера и сказать, что он сегодня не сможет, или что он задерживается, и снова нужно ждать неизвестно сколько. Сами понимаете, что гаджетов тогда никаких не было, и вот эта ситуация, от раза к разу повторяющаяся, она меня несколько...

Заебала, – подсказывает Алексис. – Знакомая херня.

В целом на меня повлияло вот это, я сам этого даже не замечал в те времена, но потом я понял, особенно когда вырос, я понял, что во многих ситуациях я склонен реагировать так же, как отец... И поэтому, если мне не создать для себя и других какое-то по сути подобие железной сетки, которую я должен наложить на всю свою жизнь, на себя самого, то тоже буду вот так тратить чужое и своё время, и жизнь, она у меня просочится как каша сквозь пальцы, я ничего не сделаю, ничего не построю, ничего не создам.

А вы что-то создать хотите? – дядя Фёдор.

А да, а конечно, а как же! А вы не хотите ничего создать? По-моему, каждый человек, каждому из нас свойственно чего-то хотеть, вот только весь вопрос в том, что по сути очень мало кому удаётся свои возможности соизмерить и свои ресурсы все правильно... а-а... правильно их вложить, бросить, что ли, именно в тот котёл, где они... где они будут работать максимально эффективно...

Теперь о моей разработке... Я не претендую на какую-либо её оригинальность или... на то, чтобы она была моим собственным изобретением... конечно, я позаимствовал её у... авторов, которые занимались вплотную данной проблематикой... но, как все, кто пользуется подобного рода системами, я, конечно, значительным образом её кастомизировал, то есть подогнал, так сказать, под нужды нашего, ну, вы понимаете, под особенности того рода деятельности... которым я, простите, занимаюсь уже более десятка лет – нормирование граждан... Но ведь я пользуюсь ею и сам, а это значит, что я хлебаю кашу из общего котла, и это показатель того, что я честен...

В основе её лежит матрица, вот – вы можете видеть здесь, чип состоит из трёх частей, которые могут поворачиваться относительно друг друга – я задаю много разных параметров здесь, в этих клетках, и система сама выдаёт мне результат. Многим, кто только начинает ею пользоваться, кажутся абсурдными некоторые из её советов, например, когда она планирует за вас, во сколько точно вам, там, например, ходить в туалет и сколько времени вам стоит там провести за этим занятием, это многим сначала кажется абсурдным, и только потом ты начинаешь понимать, насколько многофакторный этот анализ... Если ты вводишь действительно все требуемые показатели, то есть если ты действительно по сути не боишься доверить ей в целом все стороны жизни своей, включая, там, вплоть до самых... то ты начинаешь понимать тогда, что такое по-настоящему помогающая система. Ведь в целом это не просто система, которая, там, экономит твоё время как-то, она ещё и создаёт, ну, ситуацию энергосбережения, причём такого, как ты сам решил, как ты сам занесёшь в эту программу, так и будет – вот пожалуйста, хочешь, нужно тебе – авральщик ты – нужно тебе не спать несколько ночей, да она тебе всё рассчитает, пожалуйста, там, банки энергетика, сколько тебе надо, и она тебе, что важно, скажет, где твой предел – а хочешь, поставь на режим, там, отпуска или энергосбережения, или режима плодотворной работы, пассивного отдыха, здесь столько функций, что... тут можно учесть ровно всё, что у тебя вообще есть. Но только да, важно, к этому, да, нужно относиться уже серьёзно, раз ты уже начал это делать – то имеет смысл просто идти до конца с этим делом, иначе просто смысла нет, иначе ты просто ну не создашь такого уровня заточенности, такого уровня сложности, который даст тебе те преимущества, которые эта система в целом может дать, и на который она рассчитана...

...вот знаете, я однажды... ну, был очень расстроен... это, как ни странно, была тоже ситуация, связанная с расставанием... и я – ну, как это бывает – ну, пустился, так сказать, во все тяжкие, это было, конечно, смешно, забавно... но что интересно – я и сам не знал, я не помнил, что там происходило, но когда я вернулся к системе, она предложила мне всё, что происходило, считать... она всё рассчитала, и я увидел нормальную кривую, сколько... в общем, что я вам хочу сказать, равновесие на самом деле... когда долго уже работаешь с этой системой, то понимаешь такую одну странную вещь... что равновесие, оно никогда не может быть нарушено, что не бывает вообще такого, чтобы нарушался как-то порядок... это можно только закончить, прекратить, вы понимаете, о чём я... но выскочить ты уже никуда не сможешь. Если есть жизнь, то есть и норма, если жизнь есть, то она нормальна... вот эту

вещь, эта вещь — она им и недоступна... и вот эту вещь когда начинаешь понимать, то от этого понимания ты довольно долго... это серьёзные всё вещи, когда говоришь об этом, надо понимать, что ты сразу говоришь и... по сути... это и стало причиной того... что я тоже оказался не очень-то нужен им с моей разработкой. Им, как оказалось, нужна не норма, норма для них слишком сложна, им нужно на самом деле то, что хуже, чем норма... на самом деле — им нужна не норма, а безумие... и так я лишился сначала бОнусов, а потом и крЕдитов, и докатился до того... до того, чтобы...

Органайзер замолкает. И чип в его виске мерцает, остывая. Солнце уже давно не заглядывает в сахарницу даже искоса. Часы Николая Николаевича показывают шесть.

12. Пресс-конференция Ричи

Вдруг Ричи снова принимается лаять – да так чётко, отрывисто.

Ребята, – Галка, – у моего Рича для вас какие-то новости.

Для нас?

И для меня есть? – Алексис.

Для всех, – Галка. – Поднимите меня, уважаемые мужчины, и я всем всё передам.

Бармалей и Боба быстро встают у окна, сложив руки крестом. Галка взбирается на крест, её поднимают к окну, и она, издав призывное гавканье, слушает сообщения. Ричи лает, и Галка смотрит на Бобу Казиахмедова.

Значит так, Боба. Твоя жена тебе передаёт. Батончик съел три витаминки и покрылся сыпью. Миррочка купается, всё хорошо. Теперь наоборот. Палатку вашу не конфисковали, но они достали запасную и её тоже не конфисковали. С едой проблем нет, рыбы очень много, деньги никто не отбирает. Комаров нет. В общем, Боба, они тебя спокойно ждут без особых проблем. Катамаран тоже в порядке и его никто не конфискует. Это было всё наоборот. А теперь опять прямо. Коронация не состоится.

Как не состоится? – изумляется Органайзер. – Кто сказал?

Галка делает досадливый знак рукой: тише. Ричи лает снова.

Алексис, – повернулась к ней Галка. – Тебе новости. Варя уронила Ликин планшет на камень...

Слава Богу! – Алексис. – Наконец-то!

Серёга пошел разменивать деньги и проторчал в магазине полтора часа... Разменял пяти-тысячную на шесть тысячных купюр...

Пошли-поехали жаловаться друг на друга...

...Мы, говорят, всё постирали, нас научила одна тётенька стирать песочком, мы сидим около рощи, заряжаем там мобильники, нас одна тетенька научила их заряжать от берёзы, а ещё другая тётенька нам дала специальную жидкость, чтобы не переживать...

Бля... Господи...

...И, говорят, с едой проблем нет, рыбы очень много, и девчонки очень хотели посмотреть на царя, а его так и не показали, сегодня почему-то всё отменили, но вот завтра, уж завтра, посмотрим обязательно, и Соня хочет выйти на трибуну и чтобы он её поцеловал в прямом эфире. У ваших всё, – добавляет Галка и делает паузу.

И Ричи делает паузу. А потом снова лает.

Паскаль, – указывает Галка. – Хм-хм... Тебе Франсис по-французски что-то передаёт через Ричи. Я по-французски лай не понимаю, так что прости. А от твоих ребят тебе Ричи передаёт, что рыбы очень много, с едой проблем нет, и что они хотят научиться варить варенье и собирают ягоды.

Спасибо! – кивает Паскаль. – Варенье научим!

Вики. Тебе передают твои клиенты...

О! – О! – Тише! – Слушайте! –

...твои клиенты тебе передают, что оценили твой удивительный ход с клюквенным деревом и пиццами, но до сих пор не нашли царя. Это очень круто, что тебе удалось его спрятать ещё до пресс-конференции, и клиенты тебе обещают возместить твои баснословные расходы. Прямо сейчас в данный момент Славик ищет царя по GPRS, но найти пока не может. Клиенты тебе передают, Вики, огромное спасибо за отличнейшую свадьбу-приключение, но им уже нужны инфо-ключи – где всё-таки царь, да-да, они тупые, но хоть одна подсказочка им нужна, чтобы решить этот квест. Тебе передают, что им очень весело и ты супер-тамада.

Вау!! – Вики захлопывает рот. – Но минутку... что значит – «где царь»? Я вроде его не прятала...

Галка делает паузу. Ричи отрывисто гавкает трижды.

Николай Николаевич, для вас ничего нет. Но сегодня ночью будет. Готовьтесь.

Николай Николаевич диковато смотрит на Галину Иосифовну, потом прикладывает ладонь ко лбу, и, кажется, какое-то смутное воспоминание рождается в нем.

Бармалей, – Галка смотрит на Бобу, потом на Бармалея. – Для вас информация от вашего редактора: постарайтесь всё-таки каким угодно способом попасть на пресс-конференцию, потому что ходят очень странные слухи, которые мы хотели бы подтвердить либо опровергнуть. Не забудьте спросить о налоге на бездетность, о запрете на продажу туалетной бумаги без гербовой печати, об уголовном наказании наркоконтроля за продажу семечек в шоколаде и об отмене реанимационных мероприятий для лиц с утратой репродуктивной функции и/или пенсионного возраста.

С удовольствием спрошу ещё и про гонения на «Колобка», в котором нашли намёк на экстракорпоральное оплодотворение, – Бармалей. – Только что-то мне не верится, что мы с царём пересечёмся. И я тут засел, и он чего-то не рвётся со мной встречаться. Но как знать. Спасибо.

Ричи гавкает дальше. Галка:

Для дяди Фёдора. Ричи тебе передаёт, что он закопал твой паспорт под стеной крепости и потом покажет тебе, где именно. Твой паспорт выбросили, а он, Ричи, нашёл и закопал.

Немножко порвал, правда, потому что другая собака хотела унести. Но фотография практически цела.

Спасибо! – радуется дядя Фёдор.

Тут лай Ричи становится яростным, как будто он защищается или нападает. Галка бледнеет и смотрит на Янду. Та поднимает голову.

Янда, – Галка. – Ричи гавкает что-то странное, я не очень понимаю, что, и не хочу тебе такое передавать. Но я хочу... как бы это... от себя тебе передать, что, ну, я с тобой, и что пусть тебе никаких таких плохих мыслей в голову не приходит, мы тебя защитим, нас здесь много, и всё будет нормально, – ладно, Янда? Пожалуйста!..

Янда опускает голову.

Ричи бешено лает. Галка отводит глаза.

Для Органайзера! – восклицает она вдруг. – Ричи передаёт... Боже. Ричи тебе передаёт, чтобы ты выбирался отсюда побыстрее. Как только можешь, хоть в окно, хоть как. Потому что они тебя живым не выпустят.

13. Бармалей и Органайзер меняются чипами

Ну, я это предвидел, – Органайзер, спокойно. – Что ж, собственно, именно этого и стоило ждать. Как технократ я могу заверить вас, что моё упразднение будет обставлено максимально экологично и не причинит вам, уважаемые со... – Органайзер некоторое время ищет нужный корень, – уважаемые сотрапезники, ни малейших неудобств. Обычно это происходит следующим образом: сперва проверяется информационная составляющая упраздняемого, затем – его биометрические параметры, включая отпечатки пальцев, чтобы ни в коем случае не ошибиться, а затем уже производится остановка всех трёх жизнеобеспечивающих систем. Для вас будет поучительно пронаблюдать, каким безболезненным и завидно естественным является этот процесс...

Так, – говорит Бармалей. – Давай-ка, Органайзер, мы с тобой поменяемся чипами, и ты в информационном смысле станешь я. Пока дело дойдёт до пальчиков, они сообразят, что к чему, а меня им упразднить вообще без мазы. Отправят снова в УПНО, ну так я там уже был, чего уж. Ну, а пока они меня будут муржить, у тебя будет фора.

Я не могу, – ёжится Органайзер. – Такая жертва... А вдруг вас всё-таки упразднят. По ошибке. Я лучше уж завершу план существования самостоятельно, это будет как-то нормальной и правильной.

Не дури нас, мы тоже соображаем, – вмешивается дядя Фёдор. – Все чипы, не исключая и твой, эту функцию блокируют автоматически даже при полной отстройке. Бармалей дело говорит, меняйтесь, время выиграешь.

Органайзер подносит руку к виску, жмёт на кнопку, ждёт пять секунд и лёгким движением вынимает чип.

Бармалей вздыхает. Так просто! У его «принудительной» модели не только разъём вмонтирован в черепную коробку, но и корешки. Чтобы клиент не мог просто так вытащить.

Ножа, конечно, ни у кого нет?

Обижаешь, друг, – вдруг подаёт голос Боба Казиахмедов. – Ножа нет... да чтобы у меня в лесу – и ножа не было бы...

Достаёт из внутреннего кармана маленький железный шарик. С некоторым усилием тянет за его полюса. Подает Бармалею маленький симпатичный острый резак.

Отлично, – одобряет Бармалей. – Ну а уж зеркальца-то точно ни у кого не найдётся.

Обижаешь! – Вики протягивает хвост шарфика – а на хвосте встроенное зеркальце, не стеклянное, конечно, пластиковое – видно мутновато – но хоть что-то.

Вот это да, – Бармалей впечатлён. – Ну ладно... счас... кто не любит вида крови, лучше не смотрите, – Бармалею вспоминается Дзампано из фильма «Дорога». – Тэк-с...

Левой рукой берётся за чип, правой подносит к виску резак. Глядя в зеркальце, которое держит Вики, выдёргивает чип из виска, как морковку из гряды.

Боль острая, тошнотворная и приятная.

По щеке и шее течёт кровь, часто-часто капает на пол, шумит в ушах.

Николай Николаевич вздыхает.

Бармалей поворачивает резак и вдавливая сильнее, подцепляя корешки чипа, вросшие в мозг. Левой хватается за эти скользкие от крови корешки и сильно дёргает.

Эта новая боль – как взрыв, но она быстро прекращается, и сразу же, мгновенно, всё вокруг резко меняется.

Первыми, волной, возвращаются запахи, родные и забытые.

Пахнет рыбой. Грязными носками. Туалетом. Свежим ветром. Ельником. Морем.

Господи, да ради одних только запахов, – думает Бармалей, опьянённый.

Быстро-быстро сбегаются отовсюду звуки, краски. Резкость, яркость, контраст, чёткость. Шорохи. Шумы. Подробности.

Бармалей прижимает кепку к виску, чтобы унять кровь. Ему уже не больно.

Он ухмыляется. В правой у него нож. В левой – выданный чип с ключьями плоти. Коронация. Шапка Мономаха. Бармалей вытирает чип носовым платком.

Органайзер подаёт ему свой.

Я контакты немного высадил, – извиняется Бармалей. – Там никак, они врастают. Но гнездо оставил, включить можно. Только для вида, конечно, – и он вставляет навороченный чип Органайзера в скользкую кровавую дырку. – Сел вроде... Мигает?

Ну, он включился технически, – Органайзер. – Но без коннекта.

Да Господь с ним с коннектом, в гробу я видел этот коннект... Держи мой.

Органайзер вставляет Бармалеев чип и сразу морщится.

Уф, как вы это выносите. Всё какое-то серое.

Не нравится, да? – Вики, язвительно.

Да уж что там может понравиться, – Бармалей. – Зато мне теперь прикинь как кайфово.

Представляю, – хмыкает Вики.

Теперь переодеться бы, – говорит Бармалей. – Но это вряд ли. На меня твои шмотки не налезут.

14. Девяносто процентов ужина

Грохот подносов – серые приносят ужин и сталкиваются в дверях, но, удержавшись на ногах, входят по очереди, вежливо балансируя, неуклюже помещаясь. Оба совершенно одинаковые и даже, похоже, запараллеленные для экономии, именно поэтому им и трудно координировать движения¹. Первый серый несёт семь тарелок макарон с рыбой, второй ещё две, да чайник, да пластиковые ложки (УПНО не признаёт вилок и ножей) и девять пластиковых стаканчиков.

Минуту! – подмечает Бармалей. – Господа, тут только девять тарелок и ложек тоже девять, а нас-то десять.

Как десять? – серые удивлённо пересчитывают обитателей кельи. – Девять вас.

---

¹ Параллельные пары вошли в большую моду после падения цен на нефть – как инструмент сокращения издержек; в некоторых случаях это имеет смысл, но чаще мешает работать, – попробуйте-ка сделайте что-нибудь, глядя в зеркало на самого себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.